СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, ЛЕКСИКОЛОГИЯ И НЕОЛОГИЯ
WORD FORMATION, LEXICOLOGY, AND NEOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 95–103.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(9(515):95-103.

Научная статья

УДК 81’373.6

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-95-103

СУБСТАНТИВНЫЕ КОМПОЗИТЫ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Андрей Николаевич Беляев

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, anbelajew@mail.ru, 0000-0003-1784-4704

Аннотация. Статья посвящена анализу морфологической структуры субстантивных сложных слов в немецком языке. Цель исследования – описать с формальной и содержательной стороны основные типы сложных слов и установить закономерности их образования. Автор применил методы системной динамики в диахронии и метод непосредственно составляющих в синхронии. Особое внимание уделяется проблеме разграничения свободных словосочетаний от сложных слов. При освещении этого вопроса автор обращается к древневерхненемецкому и средневерхненемецкому периодам. Принимая во внимание факты исторического развития словосложения, автор ставит вопрос о целесообразности использования немецких терминов «eigentliche» (полносложные) и «uneigentliche» (неполносложные) для синхронного описания процессов словообразования. Установлено, что переход средневерхненемецких словосочетаний в композиты обусловлен ролью определенного артикля и изменением порядка слов в словосочетании. Показано, что на следующей ступени развития значение генитива в композите ослабевает, и флексия родительного падежа выступает в дальнейшем исключительно в роли соединительного элемента. Доказано, что при моделировании языковой деятельности в словообразовательной системе ключевым звеном является понятие продуктивности словообразовательной модели. Выявлены структурные ограничения для разных классов слов в образовании немецких композитов. Так, в модели Adj. + N участвуют в основном мономорфематические прилагательные. В качестве перспективы автор затрагивает вопрос изучения взаимосвязи морфологической структуры сложного слова и выражаемого им комплексного смысла.

Ключевые слова: немецкий язык, словообразование, словосложение, классификация сложных слов, продуктивная модель, когнитивные механизмы

Для цитирования: Беляев А. Н. Субстантивные композиты в системе немецкого словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 9 (515). С. 95–103. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-95-103.

Original article

SUBSTANTIVE COMPOUNDING IN THE GERMAN WORD-FORMATION SYSTEM

Andrei N. Belyaev

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, anbelajew@mail.ru, 0000-0003-1784-4704

Abstract. This paper is devoted to the analysis of the morphological structure of substantive compound words in the German language. The aim of the study is to describe the main compound words types from a formal and semantic perspective and to establish the patterns of their formation. The author applied the methods of system dynamics in diachrony and the method of direct components in synchrony. Particular attention is paid to the problem of distinguishing free phrases from compound words. In covering this issue, the author turns to the Old High German and Middle High German periods. Taking into account the facts of the historical word-formation development, the author raises the question of the advisability of using the German terms “eigentliche” (proper compounds) and “uneigentliche” (improper compounds) for a synchronous description of the word formation processes. The author

© Беляев А. Н., 2026

believes that the formation of compound words from Middle High German phrases is due to the role of the definite article and the change in word order in the phrase. It is shown that at the next stage of development the meaning of the genitive in the compound word weakens, and the genitive case inflection subsequently acts exclusively as a connecting element. The author takes into account the productivity of the word-formation patterns in his analysis. Structural limitations for different classes of words in the formation of German compounds words were identified. The Adj. + N. pattern mainly involves monomorphic adjectives. As s perspective, the author touches upon the issue of studying the relationship between the morphological structure of a compound word and the complex meaning it expresses.

Keywords: German, word formation, compounding, classification of compound words, productive pattern, cognitive mechanisms

For citation: Belyaev AN. Substantive Compounds in the German Word-Formation System. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(9(515):95-103. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-515-9-95-103.

Введение

Словосложение в германских языках играет исключительно важную роль в обогащении словарного состава языка. Оно усваивается уже в раннем детском возрасте [8]. Несколько упрощая реальное положение дел, но отнюдь не искажая его, можно утверждать, что словосложение — это живой реликт протоязыка, в котором доминировали лексика и прагматика в отсутствии развитых грамматических категорий. Иллюстрировать этот тезис можно ссылкой на «Эволюцию языка» У. Т. Фитча, где гипотеза лексического протоязыка имеет относительно широкое признание в среде теоретиков-эволюционистов [7]. Еще Г. Пауль считал словосложение единственным нормальным способом возникновения формальных элементов в языке [6, с. 385]. Несмотря на слабые места «Принципов» Пауля в его постоянном обращении к «психологическим» истолкованиям, они являются классическим сочинением по вопросам исторического языкознания [1, с. 30]. Описание сложных слов встречается уже в индийской грамматической школе. Богатство классического санскрита сложными словами нашло отражение в традиционной классификации сложных слов: 1) Copulative Composita (dvandva), 2) Possessiva (bahuvrihi), 3) Determinativa (karmadharaya), 4) Abhängigkeits-Composita (tatpurusa), 5) Collective Composita (dvigu), 6) Adverbiale Composita (avyaibhava) [9, с. 436–450].

В современной лингвистике проблемы словосложения затрагиваются как в формально-морфологическом, так и в содержательно-семантическом плане. Немало работ, в которых закономерности словосложения рассматриваются с точки зрения их взаимодействия с лексической системой и синтаксисом [12; 16; 17; 19]. Сравнительно-сопоставительному изучению немецких субстантивных композитов посвящены работы [11; 13]. Заслуживают внимания также работы, посвященные семантическому анализу [20] и определению возможных границ семантического декодирования сложных слов [18]. Все чаще стали появляться работы, в которых словообразование является предметом когнитивной лингвистики [2–5]. Однако, несмотря на определенные успехи в этой области, исследователи еще далеки от создания теории, которая раскрывала бы работу когнитивных механизмов и описывала бы их функционирование в процессе обработки смыслов, заложенных в структуре сложного слова. Безусловно, вопрос о соотношении концептуальной системы человека и специальных лингвистических приемов исследования непрост. Поэтому значимыми и актуальными являются не только чисто теоретические вопросы, связанные с когнитивной природой порождения и извлечения смысла из структуры сложного смысла, но и практические вопросы, связанные с умением преобразования свернутой структуры сложного слова в пропозицию.

Материалы и методы исследования

Исследовательский корпус составлен в значительной мере из текстов различных жанров (газетно-публицистический, литературный, научный, научно-публицистический). В ходе исследования использовались различные словари, прежде всего, «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» (Klappenbach/Steinitz), «Duden», «Deutsches Wörterbuch» (Wahrig), «Groβwörterbuch Deutsch als Fremdsprache» (Langenscheidt), «Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache», «Немецко-русский словарь разговорной лексики» (В. Д. Девкин) и др. При исследовании вопроса применялись следующие методы: описательный, морфологический, непосредственно составляющих, когнитивного моделирования и когнитивный анализ. Выбор материала обусловлен общим композиционным принципом, заключающемся в наличии морфологических признаков границ между компонентами, образующими грамматически и семанти-

чески спаянную единицу, которая может быть описана как элемент словарного состава языка, а при актуальной реализации способна быть членом предложения.

Результаты исследования и их обсуждение

Уже в памятниках древневерхнемецкого периода широко использовались субстантивные композиты типа N + N, которые были названы Я. Гриммом ‘eigentliche Komposita’ (‘подлинные композиты’). Для них характерно отсутствие флексии у первого члена. В Lex Salica несколько раз встречается композита *haristatha* для обозначения надгробного памятника, разрушение которого карается законом. У Ноткера др.-в.-нем. *heriberga* первоначально означало ‘убежище для войска’, постепенно расширило значение до ‘прибежище, приют для путешественников’, ср. совр. *Herberge* ‘турбаза, приют’. В капитуляриях Карла Лысого *hari* встречается в композите *harizuht* ‘разбойничий набег шайки’. Основообразующий суффикс, так называемый соединительный гласный, сохранялся еще какое-то время, но частично отпал уже в древневерхненемецком; ср. др.-в.-нем. *bota + scaf* > ср.-в.-нем. *bote + schaft* > *Botschaft* ‘весть, известие’. Композиты, у которых первый член имеет флексию родительного падежа (например, *wolfes milh*, *sneckin hūs*), названы Я. Гриммом ‘uneigentliche Komposita’ (‘неподлинные композиты’). Этот тип возник в результате универбации словосочетания, например, *der gottes bote* > *Gottesbote* ‘посланник Бога’. Соединительные элементы между компонентами сложного слова представляют собой окончания словоизменения существительных. Так, *Gottesbote* относится к неподлинным, или неполносложным, композитам. Личное же женское имя *Gotalint* (*-a-* здесь гласный основы) является подлинным сложным словом, как и *slagifedera* ‘Schlagfeder’ (с тематическим гласным *-i-*), русск. ‘ударная пружина’ [14, с. 113].

Для синхронного описания приведенные примеры стоят в одном ряду с композитами *Hängebrücke*, *Gänsebraten*, *Jahresbericht* — сложными словами с соединительными элементами. То, что *-e-* здесь является рефлексом древнего гласного основы слова (в диахронии эти слова являются подлинными композитами), для синхронии не является определяющим фактором при их классификации. Принимая во внимание эти факторы, возникает вопрос о целесообразности использования терминов ‘eigentliche’ (echte) и ‘uneigentliche’ (unechte) для синхронного словообразования.

Введенный О. Бехагелем третий термин *Zusammenrückungen* (сдвиги) по отношению к существительным типа *Krauseminze* ‘мята курчавая’, *Langeweile* ‘скука’, не имеет четко установленных границ употребления. Иногда он используется в противоречивом смысле, например, для обозначения многочисленных окказиональных образований, встречающихся в немецких СМИ (*Nahost-Krieg-Diskussion*, *Nahost-Konflikt*), или для обозначения существительных, как *Edelmann*, прилагательных *tiefblau*, глаголов *abziehen*, *haushalten*, которые одновременно обозначаются термином *Zusammensetzung* [15].

В становлении генитивной словообразовательной модели решающую роль играют определенный артикль и изменение местоположения слова в словосочетании. В средневерхненемецком определение, выраженное существительным в родительном падеже, предшествовало определяемому слову. В ранненововерхненемецком оно перемещается в постпозицию по отношению к определяемому слову. Ср. ср.-в.-нем. des *vater(e) hûs* > ран.-н.-в.-нем. *des vaters haus* > *das haus des vaters* > совр. *das Haus des Vaters*. Таким образом, в средневерхненемецком языке свободное словосочетание, например, *wolfes milh* или *senefes korn*, четко не отграничивалось от сложений. В ранненововерхненемецком они однозначно являются уже композитами. На это указывает определенный артикль, относящийся ко второму, определяемому компоненту, а не к первому, как в генитивном словосочетании.

В дальнейшем флексия родительного падежа выступает исключительно в роли соединительного элемента. Это относится также к композитам, у которых первый член — существительное в родительном падеже (*Geburtstag* ‘день рождения’) или глагольная основа (*Hängematte* ‘гамак’, *Entladerampe* ‘разгрузочная эстакада’). Упразднение флексии родительного падежа приводит к устранению основного различия между «подлинными» и «неподлинными» композитами. В современном немецком языке существует единая словообразовательная модель N + N, которая благодаря соединительным элементам имеет формальные варианты. Наряду с фонологически нереализуемым нулевым соединительным элементом выступают с разной степенью частотности элементы *-s-*, *-n-*, *-er-*, -e-, *-ens-* и *-o.*

Сложное слово в немецком языке размежевывается от словосочетания по следующим признакам: 1) оно имеет одно сильное ударение (ср. *das ˈNeuhaus* vs. *das neu**e** ˈHaus*); 2) отсутствует флексия у флективного первого компонента; 3) имеет иной порядок компонентов. Характерной особенностью

немецкого сложного слова является слитное написание компонентов, в отличие от раздельного написания словосочетания. Хотя в современных германских языках обнаруживаются орфографические колебания, которые привели в некоторых случаях к промежуточному способу написания с использованием тире. Средневерхненемецкие сложные слова часто писались раздельно. В английском языке раздельное написание часто встречается там, где в других языках обязательным является слитное написание. Поэтому отличить сложное слово в английском языке от словосочетания сложнее, чем, например, в немецком языке (*back teeth* ‘коренные зубы’ и *cellar door* ‘дверь в подвал’); ср. нем. *Feingold / feines Gold* и англ. *fine gold*. В нидерландском языке, как и в немецком, сложные слова формально отличаются от эквивалентных словосочетаний. Несмотря на то, что сложение в нидерландском языке является продуктивным способом, а на отдельные группы сложных слов накладываются такие же системные ограничения, как и в немецком языке, в нидерландском языке сложные слова часто уступают место словосочетаниям [10].

Особое место в системе словообразования немецкого языка занимает субстантивное словосложение, заметно выделяющееся на фоне других именных классов слов. По оценке исследователей, доля сложных существительных этой части словарного состава языка составляет около 83,6 %, прилагательных — 8,6 %, причастий II — 5 % и причастий I — 2,8 % [17]. Очевидно, что это не абсолютные числовые показатели, так как во многих случаях граница между синтаксическими единицами, с одной стороны, и производными единицами, с другой, отчетливо не выражена. Между ними существуют переходные зоны с многочисленными промежуточными формами. Поэтому для правильного понимания статистических данных необходимо указать те критерии, по которым происходит такой подсчет.

Высокая продуктивность именных композитов в современном немецком языке объясняется снятием многих морфологических ограничений в процессе языкового развития. Так, в древневерхненемецком языке, в отличие от современного, многочленные N + N-композиты (например, *Kaffevorratsbehälter* ‘контейнер для хранения кофе’) встречаются также редко, как и композиты с производным первым членом (*Sicherheitsbestimmung* ‘обеспечение безопасности’). Изменения в области существующих морфологических ограничений могут быть вызваны воздействием со стороны синтаксиса. Выше мы уже касались так называемых генитивных композитов, возникших благодаря становлению в немецком языке определенного артикля и изменению места слова в словосочетании в родительном падеже в средне- и ранневерхненемецкий период.

В содержательном плане композиты обычно имеют бинарную структуру, которая предполагает наличие как минимум двух основных компонентов. Например, такое существительное, как *Fußballweltmeisterschaft* ‘чемпионат мира по футболу’, состоит из двух компонентов, основ существительных: *Fußball* ‘футбол’ и *Weltmeisterschaft* ‘первенство мира’. Первый компонент является определением по отношению ко второму. В свою очередь, каждый из этих компонентов состоит тоже из двух частей. Существительное *Fußball* состоит из основ *Fuß* ‘нога’ и *Ball* ‘мяч’. Существительное *Weltmeisterschaft* состоит из слов *Welt* ‘мир’ и *Meisterschaft* ‘первенство, чемпионат’. В сложном слове внутренняя граница между основными компонентами графически и морфологически не всегда четко выражена. В зависимости от интерпретации общего смысла композиты она может быть подвижной. Поэтому отнесение композитов к дву- или трехчленным образованиям во многом будет зависеть от тех критериев, согласно которым происходит такое деление. Такие композиты, как *Rückfahrkarte* ‘обратный билет’ или *Lieblingsobsttorte* ‘торт из любимых фруктов’, можно считать двучленными и трехчленными образованиями (*Rück-* как морфологическое укорачивание наречия *zurück* или как аффиксоид; аналогично *Lieblings-* как одна лексема, а не как двучленное образование).

Как уже говорилось, семантическая и номинативная целостность сложного слова отражается в орфографии. В большинстве случаев компоненты сложного слова пишутся слитно. По данным Ортнер, около 6 % немецких субстантивных существительных пишутся через дефис, что обусловлено степенью употребления слова. Количество определительных композитов с написанием через дефис превышает 50 %. Почти у 1/3 сочинительных композитов между компонентами отсутствует дефис [17]. На наш взгляд, слитное написание многочленных композитов представляет определенную трудность в плане их восприятия и распознавания смысла, например, *Fußballweltmeisterschaft*.

Как правило, если в качестве первого компонента используется сокращенное слово (*AfD-Mitglied*), имя собственное (*Scholz-Regierung*), чис-

лительное (*Drei-Uhr-Zug*), то сложное слово пишется через дефис. Дефис может использоваться как стилистическое средство для графического выделения «первоначальной» структуры сложного слова, например, *Dreh-Arbeiten*, *Wort-Art* и т. д. Использование дефиса в таких случаях строго не упорядочено. Часто встречаются дублетные формы, ср. *Filter-Zigarette* наряду с *Filterzigarette*, *Tenor-Solo* наряду с *Tenorsolo*, *Buddha-Statue* наряду с *Buddhastatue*.

Сложные существительные с прилагательным в качестве первого члена обычно состоят из двух основных компонентов (Adj. + Nom.). Трехчленные композиты, у которых первый член является сложным словом или словосочетанием, как правило, представляют собой новые образования, особенно терминологического характера, например, *Fertigbauweise* ‘строительство с применением сборных элементов’, *Flüssigkristallanzeige* ‘жидкокристаллический индикатор’, *Freiborddeck* ‘палуба надводного борта’, *Altackerboden* ‘старопахотное поле’ и другие. Многократно встречаются композиты с компонентом *Gemischt-* ‘смешанный, разнородный’, особенно при *Gemischtwaren-* (*Gemischtwarenhandlung* ‘небольшой магазин по продаже продовольственных, галантерейных или хозяйственных товаров’), *Gebraucht-* (*Gebrauchtwarengeschäft* ‘комиссионный магазин’) и *Halbfertig-* (*Halbfertiggericht* ‘полуфабрикат’). Часто в композитах этого типа первым членом является односложное прилагательное, например, *Rotlicht* ‘красный свет’, *Neumond* ‘новолуние’, *Grünland* ‘выгон, луг’ и т. д. В современном немецком языке наблюдается тенденция роста использования в качестве первого компонента многосложных заимствованных прилагательных на *-al, -ar/är*, *-iv* и т. п. Старое правило, ограничивающее образование композитов от суффиксальных производных на *-bar* и *-lich*, сейчас соблюдается менее строго. Быстро растет число прилагательных на *-ig*, используемых в качестве первого компонента сложного слова (например, *Fertiggericht* ‘готовое блюдо, разогреваемое перед употреблением’).

Что касается первых членов с глагольной основой, то наряду с многочисленными первыми членами с простой глагольной основой (*Schreibtisch* ‘письменный стол’) или с (полу-)префиксальной глагольной основой (*Maßhaltepolitik* ‘политика «умеренности»’, *Einschreibbrief* ‘заказное письмо’), существует большое структурное разнообразие сложных отглагольных образований. Это разнообразие обусловлено как валентными характеристиками глагола, так и его способностью выступать в предложении в роли предиката. Так, словосочетание *Zähne putzen* ‘чистить зубы’ способно образовать основу первого члена *Zahnputz-* (*Zahnputzglas* ‘стаканчик для чистки зубов’, *Zahnputzbürste* ‘зубная щетка’).

Полученные нами при анализе данные свидетельствуют об изоморфизме простых отглагольных основ и производных основ с суффиксом *-ung* (*Abendessenszeit* ‘время ужина’, *Babyernährungsregeln* ‘правила кормления младенца’ и т. п.). Именно поэтому существует так много дублетных форм: первый член может быть мотивирован как глаголом, так и отглагольным существительным. Но в содержательном плане формы дублетных композитов идентичны: *Gärprozess* ‘процесс брожения’ наряду с *Gärungsprozess*, *Fahrkosten* ‘расходы на проезд’ наряду с *Fahrtkosten*, *Springseil* ‘скакалка’ наряду с *Sprungseil*, *Ausziehtisch* ‘раздвижной стол’ наряду с *Auszugstisch* и т. д.

Большим морфологическим разнообразием характеризуется группа композитов, у которых первым членом является существительное. Особенно многочисленны редуцированные трикомпозиты, часто не воспринимаемые как таковые носителями языка, так как их значение хорошо известно из общей речевой практики, например, *Schlachthof* (< *Schlachtviehhof*), *Ziegenkäse* (< *Ziegenmilchkäse*), *Kurkonzert* (< *Kurortkonzert*), *Kartoffelfeuer* (< *Kartoffelkrautfeuer*) и многие другие.

Трехчленные композиты также членятся на две части, основную и определяющую. Так, *Flugzeugschlepp//start* ‘старт с буксировки за самолетом’ состоит из трех членов: из основы существительного *Flugzeug-*, глагольной основы *schlepp-* и основы существительного *Start-*. Граница между определяющей и основной частью в трехчленных композитах не всегда может быть отчетливо выражена, если второй член выражен глагольной основой. Например, *Bergwander//schuhe* ‘Schuhe zum Bergwandern’ ‘ботинки для похода в горы’ и *Berg//wanderschuhe* ‘Wanderschuhe für den Berg’ (‘туристические ботинки для гор’), *Getreide//sammelstelle* ‘Sammelstelle für Getreide’ и *Getreidesammel//stelle* ‘Stelle, an der man das Getreide sammelt’. В композите *Selbstheilungskraft* (‘способность исцелять себя’ / ‘сила самоисцеления’) структурные формулы «(a + b) + c» и «a + (b + c)» связаны подобием. Таким образом, в виду размытости границ между основным и определяющим компонентам многочленное сложное слово может быть по-разному истолковано в зависимости от способа его прочтения. Граница может проходить как после первой, так и после второй лексемы. У субстан-

тивных композитов с отглагольным компонентом значение близко значению глагольной группы. Такие образования представляют собой формальную структуру с выраженной повторной мотивацией, например, *Bogenschießstand* → ‘Schießstand für Bogen (стрельбище для стрельбы из лука)’ / ‘Stand zum Bogenschießen (щит для стрельбы из лука)’.

Немецкие трехчленные композиты образуют следующие морфологические типы:

a) (существительное + существительное) — существительное: *Bedarfsgüterproduktion*, *Bodenfeuchtegehalt*, *Druckknopfverschluss*;

b) (глагол + существительное) — существительное: *Trinkmilchabstz*, *Fallaubschicht*, *Tragflächenboot*;

c) (прилагательное / числительное + существительное) — существительное: *Tiefdruckgebiet*, *Weißweinsorte*, *Dreifarbendruck*, *Vierzigstundenwoche*;

d) (существительное + глагол) — существительное: *Zahnputzglas*, *Blutspendenaktion*;

e) (существительное + прилагательное) — существительное: *Magenbitterrest*;

f) (предлог + существительное) — существительное: *Nachkriegszeit*, *Nebenerwerbsbetrieb*, *Nebenstellenanlage*, *Pro-Kopf-Einkommen*, *Per-Post-Lieferung* и т. д.

С морфологической точки зрения структуры, включающие четыре и более члена, не представляют собой чего-то необычного, поэтому исключаются нами из дальнейшего рассмотрения. Менее ясен вопрос о причинах расширения и редукции морфологической структуры сложного слова. Если первый член подвержен редукции различного порядка, то основа двух- или многочленной композиты, за исключением особого случая контаминации, сплошь представлена полной формой. Немногочисленные особые случаи объясняются также формами контаминации, как-то *Getreidebau* представляет скрещивание композиты *Getreideanbau* ‘возделывание зерновых культур’ и отчасти лексикализированного *Ackerbau* ‘полеводство’, *Tierschau* является контаминированной формой, возникшей из *Tierhaltung*, с одной стороны, и словосочетания *zur Schau stellen* — с другой. Не исключено и образование по аналогии с другими композитами на *-schau* (*Leistungs-*, *Sonder-*, *Musterschau* и т. д.). Возможно, в данном случае имеет место укорачивание основы, как, например, в композите *Milchmix* вместо *Milchmixgetränk*, *Wirtschaftsgipfel* вместо *Wirtschaftsgipfelkonferenz*.

Укороченная форма сохраняется в речевом узусе, поскольку она выражает стремление говорящих к языковой экономии. Такие формы, получившие терминологическое обозначение «blends» или «Wortmischung» (например, *Stagflation* из *Stagnation* и *Inflation*, *Kurlaub* из *Kur* и *Urlaub*), собственно говоря, не являются композитами в обычном понимании этого термина и составляют единичные случаи.

Однако те структуры, в которых конституанты имеют форму сокращенного слова или аббревиатуры, представляют собой композиты с характерной для них морфологической особенностью. В немецком языке количество композитов с сокращенным вторым компонентом невелико, оно составляет лишь около 0,3 % всех случаев, например, *Parfumdeo* < *-deodorant*, *Radldemo* (‘демонстрация на велосипедах’) < *-demonstration*. Во всех таких случаях сокращенное слово (*Deo* и т. п.) возникает не в результате образования композиты, оно уже имелось в речевом узусе. Только в исключительных случаях оба компонента композиты являются акронимами: *DDR-NOK* (Национальный олимпийский комитет в бывшей ГДР). На месте композиты может выступать словосочетание, которое затем стягивается в сложное слово, например, *Neugeborenen-Schiefhals* ‘кривошея у новорожденных’. Часто первым членом композиты является инициальное слово, обозначающее название фирмы (*BMW-Vertragsfahrer*, *VW-Techniker*), государства (*BRD-Firma*, *US-Chefdelegierter*), политического союза (*EU-Mitglied*, *SPD-Fraktion*), экономических организаций (*OPEC-Ölkartell*), реже газет (*SZ-Leser* ‘читатели газеты «Зюддойче Цайтунг»’, *TT-Service* ‘юридические услуги «Тирольской ежедневной газеты»’).

Заключение

Из изложенного следует, что основным типом следует признать двучленную структуру с первым членом — существительным. Структура трехчленных композитов типа *Langlaufschi* ‘беговые лыжи’ характеризуется морфологическим членением как первого, так и второго компонентов. Многочленные композиты (*Straßenbahnhaltestelle* ‘остановка трамвая’) также состоят из двух компонентов, основного и определяющего, каждый из которых, в свою очередь, может быть простым или сложным. В количественном отношении композиты с первым членом — существительным представляют подавляющее большинство, их насчитывается около 80 % исследовательского корпуса, с глагольной основой насчитывается примерно 6,5 %. У 5,5 % композитов первый член может быть мотивирован как существительным, так и глагольной основой. Количество композитов с прилагательными составляет около 4,5 %. При

образовании сложных слов на разные классы слов накладываются определенные морфологические ограничения. С существительными соединяются в основном мономорфематические прилагательные (*Leichtgewicht* ‘легкий вес’, *Rotlicht* ‘красный свет’, *Schwerstarbeit* ‘особо трудная работа’). Сложное слово обладает собственным значением, полностью не совпадающим со значением соответствующей ему синтаксической конструкции. Собственно, синтаксические различия и противопоставления обосновывают использование в предложении модусных и служебных морфем, которые обычно отсутствуют в структуре сложного слова. Морфологически сложное слово характеризуется отсутствием у определяющего компонента маркеров числа и падежа.

Список источников

1. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат ; коммент. Е. С. Кубряковой ; под ред. и с пред. М. М. Гухман. Москва : Прогресс, 1968. 606 с.

2. Борисенкова Л. М. Словообразование немецкого языка в когнитивном рассмотрении // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4–2. С. 64–66.

3. Борисенкова Л. М. Особенности словообразовательной концептуализации (на материале словообразования немецкого языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 93–97.

4. Воронина Л. В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов: автореф. дисс. ... доктора филологических наук. Смоленск, 2022. 38 с.

5. Ирисханова О. К. Исследование перспективы в когнитивной лингвистике: проблемы и задачи // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 92–98.

6. Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. Вступительная статья С. Д. Кацнельсона. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.

7. Фитч У. Т. Эволюция языка / Пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова; послесл. Е. Н. Панова; послесл. А. Д. Кошелева. Москва : Языки славянской культуры, 2013. 824 с.

8. Berman R. Children’s acquisition of compound constructions // Rochelle Lieber & Pavol Štekauer (eds.). The Oxford Handbook of Compounding. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 298–322.

9. Bopp Fr. Kritische Grammatik der Sanskrita — Sprache in kürzerer Fassung. Vierte durchgesehene Ausgabe. Berlin : Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 1868. 479 p. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.340689/page/n497/mode/2up (дата обращения: 14.03.2026).

10. Boonen U. K., Harmes I. Niederländische Sprachwissenschaft: eine Einführung / Ute K. Boonen, Ingeborg Harmes. 2. Vollständig überarbeitete Auflage. Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag, 2023. 318 p.

11. Braunweiler P. Substantivkomposita im Sprachvergleich Französisch — Deutsch. 1. Auflage. München : GRIN Verlag, 2000. 19 p.

12. Deilen S. Optische Gliederung von Komposita in leichter Sprache: Blickbewegungsstudien zum Einfluss visueller, morphologischer und semantischer Faktoren auf die Verarbeitung deutscher Substantivkomposita. Berlin : Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2022. 778 p.

13. Ermlich K. Zur Wiedergabe deutscher Substantivkomposita im Englischen // Deutsch als Fremdsprache. 2004 № 4. P. 206–212.

14. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1969. 327 p.

15. Henzen W. Deutsche Grammatik. 3., durchges. u. erg. Aufl. Tübingen : De Gruyter, 1965. 314 p.

16. Meineke E. Substantivkomposita des Mittelhochdeutschen: eine korpuslinguistische Untersuchung. Frankfurt am Main : Peter Lang Edition, 2016. 664 p.

17. Ortner L. Substantivkomposita: (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1). Berlin/Boston : De Gruyter, 2017. 904 p.

18. Plath V. Komposita und Kompositionalität : Möglichkeiten und Grenzen der semantischen Dekodierung von Substantivkomposita. Berlin; New York; NY : De Gruyter, 2011. 365 p.

19. Solling D. Zur Getrennt-, Zusammen- und Bindestrichschreibung von Substantivkomposita im Deutschen // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Bd. 81. 2014. № 1. P. 121–123.

20. Vandermeer S. “Muttertag” und “Tagesmutter” : semantische Analyse deutscher Substantivkomposita

mit Verwandschaftsbezeichnungen. Essen : LAUD, 1998. 265 p.

References

1. Bloomfield L. Language. Translated by Kubryakova ES, Murat VP; comments by Kubryakova ES; edited and with introduction by Gukhman MM. Moscow: Progress? 1968. 606 p. (In Russ.).

2. Borisenkova LM. Word formation in the German language in cognitive aspect. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Vyatsk State University.* 2018;(4-2):64-66. (In Russ.).

3. Borisenkova LM. Features of word-formation conceptualization (based on word formation in the German language). I*zvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News Volgograd State Pedagogical University.* 2009;(2(36)):93-97. (In Russ.).

4. Voronina LV. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivacionnyh i kompozicionnyh processov = Substantive word formation in modern German: cognitive-discursive representation of derivational and compositional processes. Avtoreferat of dissertation Dr. Sci in Philology. Smolensk? 2022. 38 p. (In Russ.).

5. Irishanova OK. Research on Perspective in Cognitive Linguistics: Problems and Challenges. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language.* 2013;14:92-98. (In Russ.).

6. Paul' G. Principy istorii yazyka = Principles of the Language History. Moskva, Izd-vo inostrannoj literatury? 1960. 500 p. (In Russ.).

7. Fitch UT. Ehvolyuciya yazyka = Encyclopedia of Language. Moskva, Yazyki slavyanskoj kul'tury? 2013. 824 p. (In Russ.).

8. Berman R. Children's acquisition of compound constructions. The Oxford Handbook of Compounding. 2009;298-322.

9. Bopp Fr. Kritische Grammatik der Sanskrita — Sprache in kürzerer Fassung = Critical Grammar of Sanskrit – a shorter version of the language. Berlin, Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 1868. 479 p. Available from: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.340689/page/n497/mode/2up [Accessed 14 April 2025]. (In German).

10. Boonen UK, Harmes I. Niederländische Sprachwissenschaft: eine Einführung = Dutch Linguistics: An Introduction. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2023. 318 p. (In German).

11. Braunweiler P. Substantivkomposita im Sprachvergleich Französisch — Deutsch = Noun compounds in a language comparison between French and German. München, GRIN Verlag, 2000. 19 p. (In German).

12. Deilen S. Optische Gliederung von Komposita in leichter Sprache = Visual division of compound words in easy language. Berlin, Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2022. 778 p. (In German).

13. Ermlich K. Rendering German compound nouns in English. *Deutsch als Fremdsprache = German as a Foreign Language.* 2004;(4):206-212. (In German).

14. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache = Word formation in modern German. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1969. 327 p. (In German).

15. Henzen W. Deutsche Grammatik = German Grammar. Tübingen, De Gruyter, 1965. 314 p.

16. Meineke E. Substantivkomposita des Mittelhochdeutschen: eine korpuslinguistische Untersuchung = Noun compounds of Middle High German: a corpus linguistic study. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2016. 664 p. (In German).

17. Ortner L. Substantivkomposita: (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen) = Noun compounds: (compounds and compound-like struktures). Berlin/Boston, De Gruyter, 2017. 904 p. (In German).

18. Plath V. Komposita und Kompositionalität : Möglichkeiten und Grenzen der semantischen Dekodierung von Substantivkomposita = Compounds and Compositionality: Possibilities and limitations oft he semantic noun compounds decoding. Berlin; New York; NY, De Gruyter, 2011. 365 p. (In German).

19. Solling D. On the separate, compound and hyphenated spelling of noun compounds in German. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik = Journal of Dialectology and Linguistics.* 2014;(81(1)):121-123. (In German).

20. Vandermeer S. "Muttertag" und "Tagesmutter" : semantische Analyse deutscher Substantivkomposita mit Verwandschaftsbezeichnungen = "Muttertag" and "Tagesmutter": Semantic analysis of German noun compounds with kinschip terms. Essen, LAUD, 1998. 265 p. (In German).

Информация об авторе

А. Н. Беляев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Information about the author

A. N. Belyaev — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 26.10.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 26.10.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.